

Андрей Никитин

Банальная история

В жёлтом дождевике, с ручной клеткой в руках, шёл человек. Его ботинки пропитались грязью, джинсы намокли. Парень нёс клетку с животным. В свете уличных фонарей, в клетке виднелось чудовище. Громадные зелёные глаза зло смотрели на окружающий мир. Лужи отсвечивали свет фонаря, а капли дождя блестели, создавая подобие звёзд. Справа стояли ряды домов, за ними река, слева лес. Одинокая улица, проложенная между рекой и лесом, вела вдоль дачных участков. Некоторые дома были пусты, они использовались как дача, в некоторых жили. В одном из них жил Василий Михеев.

По крыше стучал дождь. Вася смотрел в окно, где по стеклу наперегонки бежали капли. Наискось, он заметил, как парень в жёлтом дождевике свернул с дороги к лесу, где брала исток пешеходная тропинка. Парень повернулся спиной к домам, что-то тёмное занимало большую часть клетки в его руках, Вася заметил два блеснувшие нефрита, глядящие оттуда. Вскоре парень скрылся из виду. Через двор, в соседском доме, горел свет.

— Твои не спят? — спросил Вася, обращаясь к другу. За его спиной, на кровати, сидел Андрей и играл в приставку.

— Если свет горит, значит, не спят, — сказал Андрей, не глядя на товарища. Он был занят победой в игре.

— Хочешь поиграть? — спросил Андрей.

— Нет, надоело. Глаза за день болят.

Вася почесал загипсованную ногу, но это не помогло. Зуд наваливал волнами, особенно в жару, а сегодня было жарко.

— Как может надоест играть?

— Всё приедается, Андрей. Тебе кажется странным, но ты не сидишь в комнате по двадцать часов в сутки.

— Не сижу, — ответил Андрей и посмотрел на приятеля. Вася сидел так близко к окну, что казалось, дождь сейчас намочит волосы. Андрей перестал играть, встал с кровати.

— Как нога? — спросил Андрей, отойдя от ноутбука. Он сказал это потому, что надо было, а не потому, что хотел. Кучерявые волосы, смуглое лицо, невысокий рост, вот и все приметы Андрея.

— Как она может быть? Мне носить гипс до конца месяца. Раньше не снимут, — сказал Вася. Он сидел в инвалидной коляске, ему хотелось спать. Тёмные волосы влипли в стекло. В доме через дорогу погас свет. Вася повернулся к другу.

— Твои спать легли, наверно. Свет погасили.

— Это не значит, что они спят, — сказал Андрей. Он подошёл к полке с DVD дисками, где была коллекция боевиков.

— Ты все фильмы пересмотрел?

— Нет, многие не до конца, — устало сказал Вася.

— Лень?

— Дело не в этом, — сказал Вася и отъехал от окна, с трудом развернувшись. При недостатке места с коляской возникали неудобства.

— Всё слишком предсказуемо, — сказал он, — одни и те же сюжеты, мотивы, всё как открытая книга.

— Ты предвидишь сюжет? — спросил Андрей, вертя в руках диск с двенадцатью фильмами.

— По большей части да. Смотреть дальше нет интереса.

Вася подкатил к полке с дисками, достал первый попавшийся, «Правдивая ложь».

— Вот фильм со Шварцнейгером, но это плохой пример. Я не могу сказать, что он предсказуем.

— До конца досмотрел? — спросил Андрей, рассматривая коробку с обратной стороны.

— Он один из любимых, но не в этом суть. Всё натянуто. Перестрелка, заложники, убийства, погоня. Это почти в каждом боевике. Ты не смотришь, а гадаешь, будет всё по сценарию или нет. Лучше сказать, гадаешь в какой последовательности. Можно написать на бумаге

несколько фраз, и при просмотре вычёркивать случившееся. Например: убийство, погоня, предательство, страстный поцелуй, и убийство негативного героя.

— Предлагаешь не смотреть? — спросил Андрей. Он положил коробку на место, взял другую, — ты перечислил всё, что есть в фильмах. Без этого было бы не интересно.

— Предлагаю бороться с банальностью, — сказал Вася, — она всем надоела.

— Каким образом? Написать сценаристам письмо? Сказать, что все сюжеты дерьмо, пусть переделывают. Думаешь, тебя послушают?

Вася задумался, повернулся к окну, по которому тарабанил дождь, и тонкие вертикальные полосы появлялись и исчезали, — нужно придумать сюжет, — сказал Вася, — придумать что-то не банальное.

— Кто будет думать?

— Я могу попробовать, — отстранённо сказал Вася. Казалось, он загипнотизирован дождём.

— Ты придумаешь что-то новенькое?

— В моей жизни только две банальности, — сказал Вася, — рождение, и смерть. Всё остальное отличается. Каждый вздох, движение, жест рукой. Всё.

— Протектор колеса другой, — добавил Андрей, указывая на инвалидное кресло.

— Даже так, — сказал Вася, — я сижу в кресле не так, как ты сидел бы.

— Надеюсь, мне не придется, — сказал Андрей, и посмотрел в окно. Дождь затихал, — так что, придумаешь сюжет?

— Давай так. Я буду придумывать что-то новое, а ты скажешь, банальность это или нет, согласен?

— Я прочитаю, главное придумай. Прочитать не проблема. Разве что у меня маловат груз знаний. Но чем смогу, помогу, — сказал Андрей. Вася усмехнулся, и почесал загипсованную ногу.

— Я тебе скажу, когда придумаю.

— Хорошо, — сказал Андрей и глянул в окно, — дождь перестал, я пойду домой.

— Спокойной ночи, — сказал Вася и протянул руку.

После того, как Вася три недели назад сломал ногу, Андрей часто к нему заходит, чтоб развлечь. Живёт ведь через дорогу.

После разговора, Вася задумался, сможет ли он? Ответ пришёл сам собой. Времени у него много, опыт есть. Все пересмотренные фильмы не поместятся в комнате, как он считал. Он поехал к кровати, активно работая руками, сейчас он ляжет спать, а думать будет завтра, на свежую голову. Вася собирался пересесть с коляски на кровать, когда увидел, что дверца прикроватного комода

приоткрыта. Она открывается, если сесть на кровать. Днём ничего, а ночью от скрипа можно и подпрыгнуть. Вася закрыл дверцу, затем разделся и лёг. С коридора доплыл звук мужского голоса.

— Сколько ты ходишь к нему? — звучал голос отца, — думала, я не догадаюсь? Шлюха!

— Замолчи! — со слезами кричала мать жалким, искажённым голосом, — я делаю это для Васи.

— А этот мужик совершенно ни при делах, да? — грубый бас отца, затем звонкий шлепок, и лёгкий стон матери, — за идиота меня держишь?

Вася услышал плач матери, её порывчатые всхлипывания. Больше она ничего не говорила. Топот шагов по коридору, это отец начал спускаться по лестнице. Мать побежала в комнату и захлопнулась. Хлопок выбил Васю из привычного равновесия, так же, как взрывная волна вышибает окна ближайших домов. Это переполошило весь дом. Вася не мог ни о чём думать, лишь о скандале. Отец человек не вспыльчивый, он умеет держать себя в руках, но если сорвется, то становится похож на собаку, которую привязали и кололи в бок заточенным колышком. Если такая собака сорвётся, лучше держаться подальше. Перед сном Вася слышал отдалённый, будто по телефону, плач, и шаги. Отец этой ночью не пришёл к матери.

Через дорогу от домиков разлѣгся лесок. Он больше напоминал густо поросший деревьями парк, чем лес. Простирался до города, сходясь конусом в месте пересечения дорог. Деревья шатались от ветра, слово пьяные. Лес опоясывали дорожки, пешеходные и автомобильные. Через лес шла велодорожка. В глубине леса стоял замаскированный домик, напоминающий убежище. Над землѣй возвышался только треугольник входной двери, как в деревенских подвалах. Лестница из бетонных ступенек, выкрашенных и очищенных от грязи, вела под землю. Стены обиты деревянными панелями, придавая комфорт. Внизу, небольших размеров комната, перед ней ещё одна дверь. Сегодня за этой дверью спал грузчик Гена. Он остался переночевать, под гулкий звон и вой ветра. Его завывания слышны даже под слоем земли. Комната, в которой спал Гена, была без ковров, без линолеума, и вообще без ничего. Вдоль стен стояли клетки с котами. Самцами и самками, рыжими и белыми, дикими и одомашненными. В углу, накрытая полотенцем стояла большая клетка и сохла от проливного дождя. Гена выключил свет, чтоб скорее уснуть. Посреди помещения стоял стол, на него и облокотился Гена. На мяуканье котов он не обращал внимания. Перед дверью в комнату, на лестнице, было боковое помещение, кладовка с хламом. В кладовке висел мокрый жѣлтый

дождевик. Этой ночью дождь подействовал на Гену как колыбельная. До утра он крепко спал.

В тёмном кабинете, сидели двое сотрудников научно-исследовательского института. Профессор отделения селекции Дмитрий Серпов, и заведующий кафедрой Игорь Козов.

— Сколько можно говорить, я не трачу просто так время, — говорил Профессор Серпов, — я разрабатываю вакцину против бешенства. Подумайте сами, об огромной пользе. Эта вакцина уничтожает вирус на генетическом уровне, на все последующие поколения.

— И что? Тебе никто не позволит проводить опыты на животных. Нет причин одобрять твои эксперименты, — говорил худой высокий мужчина, возглавляющий кафедру исследований, — сперва докажи необходимость в этом, Дима. Не мне тебя учить. Всё что ты говоришь, лишь слова, нужно действие. Если ты думаешь, что сможешь на кошках добиться успехов, — Игорь пожал плечами, — когда принесёшь третье поколение котят, от кошки, заражённой бешенством, тогда можешь рассчитывать на рассмотрение отчёта, — Игорь встал и собрался уходить, невзирая на то, что Дмитрий бросал возмущениями.

— Дима. Я сейчас тороплюсь. На будущей неделе вернёмся к этому вопросу, если ты мне

предоставишь результаты. Но учти, если всё накроется, я к этому не имею отношения. Ты понял?

Дмитрий стоял и смотрел, как Игорь Козов удаляется. По дороге он поздоровался с каким-то парнем, дальше они шли вместе.

Раз ты не даёшь разрешения, — подумал Дмитрий, — сделаем всё без тебя, друг мой. Ты мне ещё спасибо скажешь.

Он наблюдал, как Игорь удаляется, краешки губ вытянулись в улыбке.

И будешь жалеть, обо всём, что наговорил. О да, друг мой.

— Ну что, Вася, придумал что-то? — спросил Андрей друга. Он с утра пришёл к Васе, принёс печенья.

— Кое-что есть, — натянуто ответил Вася. Он стоял на костылях, выйдя на крыльцо. Три ступени перед входом, покрашены красным цветом, на верхней ступени уселся Андрей, в руках он держал пакет с печеньем.

— Вчера мама напекла, — сказал Андрей, и достал твёрдый кружок из теста, посыпанный сахарной пудрой. Вася неуклюже уселся на ступени рядом с другом. Они тихо жевали печенье и смотрели на дом Андрея, стоявший в пятидесяти метрах. Он возвышался в два этажа, под домом

пятнами на земле разбросаны лужи, в которых отражалось небо.

— И что ты придумал? — спросил Андрей. Вася дожевал печенье, вытерся рукавом.

— Представь себе ситуацию: муж и жена живут на склоне, у моря. Он трудоголик, у неё есть любовник.

— Стандартная ситуация.

Даже слишком стандартная, — подумал Вася, вспомнив вчерашний скандал за стеной, который и был частью сюжета.

— Подожди с выводами. Всё не так просто. Я хочу сделать их американцами. Имена типа Сэм, или Джон, красивее звучат. Получиться оригинальная американская история. Своеобразный вестерн.

— Уже придумал имена?

— Нет, только сюжет, и то не весь. Её любовник пластический хирург, и они вдвоём с женой хотят убить мужа.

— И что тут нового? — спросил Андрей.

— Новое дальше. Муж, назовём его Билли, работает турбиной, режет металл. Искры разлетаются, грохот заложил уши, и он не замечает, как сзади подходит убийца, пусть его зовут Френк.

— Наугад имена выбираешь?

— Это пока наброски. Так вот. Я перенесу мысли на бумагу, и ты прочитаешь в готовом виде

первую часть.

— Это будет сериал? — насмешливо спросил Андрей.

— Нет, это будет один сюжет, состоящий из трёх историй. А концовка должна будет тебя порадовать.

— Посмотрим, Вася. Сможешь ли ты придумать что-то новенькое. Пока нового ты ничего не рассказал. Кстати, какой будет жанр?

— Я пока не придумал, скорее всего, ближе к фантастике.

— Ладно, посмотрим, — Андрей поднялся и спустился на нижнюю ступень, — вообще ты хорошо устроился. Сидишь, ничего не делаешь.

— Да уж. Только во время бега проблемы.

Вася почесал гипс на правой ноге.

— Единственный недостаток.

Андрей помолчал.

— Зато ты на колёсах.

— Иди уже. Пешеход, — сказал Вася, махнув другу рукой.

К домику в лесу пришла девушка. Тот же треугольно торчащий островок, к которому вчера приходил Гена. Она тихонько открыла дверь. Вниз протянулось множество ступенек. Девушка на каблуках, аккуратно ступая, спускалась. На ней висело пальто зелёного цвета, в руках сумочка.

Аккуратной миниатюрной ручкой в перчатке касалась она стены при спуске. В конце пути она отчётливо различала лампу, которая светила у самой головы. Девушку звали Диана Рябкова. 25-и летняя ассистентка профессора. Сейчас она работает на него неофициально. Жизнь приносит ей радость, она любит кошек, и ей приятно работать в обществе привлекательного грузчика и разнорабочего, Гены.

Диана стояла на нижней ступени, над ней светила лампа, как нимб над девой Марией. Она приоткрыла дверь, заглянула внутрь. Даже у дверей слышалось мяуканье, а внизу стоял особенный запах. Запах общественного туалета. В комнате горела лампа, возле клеток, с пакетом кошачьей еды в руке, ходил Гена и кормил кошек. Клетки стояли вдоль трёх стен, в два слоя. Дно и потолок клеток закрытые, боковые стены решётчатые. В каждой клетке лоток с песком и ёмкость с водой. Увидев Диану, Гена поздоровался.

— Доброе утро, — приветливо ответила девушка, — я думала, ты спишь.

— Очень сложно спать, когда весь этот шум, — он взялся за голову, — они мяукали всю ночь.

— Ты бы тоже мяукал, если бы тебя заперли, — сказала Диана. Она смотрела, как Гена закрыл клетку, оставив на дне немного корма.

Лоток с песком он не менял, и она поняла, что это предстоит делать ей.

Гена, немного сутулый парень 30-и лет, в джинсах и белом свитере, смотрелся не как разнорабочий, а как студент, пришедший на лекцию. Роста в нём больше чем в Диане, и девушка думала, что он цеплял головой лампу, висевшую при входе.

— Я остался на ночь, так как поздно закончил разгрузку медикаментов. К тому же дождь начался. Больше я тут не усну, ни за какие деньги, — он усмехнулся, — когда шеф будет?

Гена открывал очередную клетку.

— Скоро должен быть, — сказала девушка и посмотрела на часы, висевшие на тоненькой ручке. Было начало десятого. Она сняла пальто, под ним Гена увидел платье, обтягивающее тело. Строгое, с короткой юбкой. Девушка вышла и достала в подсобном помещении белый халат, в нём она вернулась обратно. В руках принесла коробочку со шприцами и пробирками.

— Посмотри, как они занервничали, — сказал Гена и обвёл руками клетки с котами.

— Я против издевательств над животными, ты же знаешь. Но наука бывает безжалостна.

Диана развела несколько пробирок, в итоге у неё получилась жидкость коричневого цвета. Шприцом она набрала эту жидкость.

— Жаль, что я не могу тебе помочь набирать и разводить эти растворы, — печально подытожил Гена. Он смотрел на её грудь, через вырез в платье, когда Диана наклонилась вперёд.

— Ты уже всех покормил? — спросила она.

— Нет ещё.

— Заканчивай работу.

На лестнице послышался топот. Дверь открылась, на пороге они увидели Дмитрия Андреевича. Худое, гладковыбритое лицо, с очками на носу. Волосы, усеянные сединой, словно разбросанным зерном. Его возраст выдавали лишь тоненькие морщинистые линии в уголках рта, когда он улыбался.

— Доброе утро, — устало сказал он, — как у нас дела?

— Мы готовы начать новый день, Дмитрий Андреевич, — сказала Диана. В руке она держала шприц иглой вверх, — а как у вас дела?

— Ничего не добился. Они не хотят давать разрешения на исследования в лаборатории. Слишком низка вероятность успеха. Цель не стоит усилий.

— Но мы добились результатов, вы говорили об этом?

— Коты это одно, но человек — совсем другое, дорогая моя. Они не желают рисковать. Я говорил, что мы делаем профилактику бешенства

на генетическом уровне, никто не считает это столь необходимым.

Профессор Серпов сел на стул, у стены, отдышался.

— Нужно искать другое место. Я скоро буду приходить сюда, и ложиться спать от усталости.

— Но вы сами говорили, что тут нас никто не найдёт.

— До определённого времени, — Серпов поднял вверх палец, — когда-нибудь кто-то найдёт. Надеюсь, к тому времени нас тут не будет.

— Ну что, Дмитрий Андреевич, вводить первому номеру двойную дозу? — спросила Диана. Профессор разглядывал закрытую клетку, которую вчера принёс Гена. Она стояла сверху, третьим рядом, накрытая полотенцем.

— Что там Гена? То, что я думаю?

— Да, — сказал Гена и убрал полотенце с верхней клетки. Там сидел огромный камышовый кот. Жёлтые глаза зло оглядели присутствующих. Острые уши прижались к голове, словно он ожидал удара, — как вам, профессор?

— Замечательно. То, что я искал, — он повернулся к ассистентке, — Диана сделаешь ему тройную дозу. Из-за его размеров ему это не повредит.

— Хорошо, — просто сказала девушка, словно её попросили разрезать пирог. Гена снял

клетку, поставил на стол, отошёл.

— Помоги мне, Гена, — сказала Диана с намёком на непонятливость, — смотри, какой он огромный, я его не удержу.

Гена надел специальные перчатки по локоть, из прочного тёмного материала, и открыл клетку. Жёлтые глаза смотрели на иглу, словно животное ощущало опасность. Кот попытался выскочить из клетки, но гена ухватил его за шею, прижал к дну второй рукой.

— Коли! — крикнул он. Диана с силой вонзила иглу в животное, и надавила. Кот взвыл, коричневая жидкость исчезала со шприца. Девушка выдернула шприц. Гена отпустил кота и закрыл клетку.

— Теперь давай первый номер, и сравним завтра результаты, — сказал Серпов.

С котом номер один, Диана могла справиться сама, но не хотела. Она набрала из колбы коричневую жидкость и, подняв шприц вверх, выпустила из него воздух. Гена открыл клетку, схватил кота. Возмущение животного, укол, впрыск, клетка закрыта.

— А что должно произойти с ними, профессор? — спросил Гена, отскочив от клетки. Кот бросился на него и едва не цапнул, высунув лапу через щель в решётке, она извивалась в воздухе.

— Завтра я возьму у них образцы крови, и посмотрю, что произойдёт, — Серпов смотрел на Гену, — в их крови возможно присутствие вируса бешенства, вакцина должна его убить.

— Та же, что мы кололи раньше?

— Нет. Я добавил в неё кое-что.

— А если у кошек нет бешенства?

— Вот завтра я это узнаю, и если нет, то введу им его. А потом и вакцину, — Серпов перевёл взгляд на кота, — ты знаешь, Гена, что бывает при бешенстве? Как оно проникает в организм, и что происходит?

— Не совсем.

— Вирус поражает нервную систему животного, страдает мозг. Моя вакцина предотвращает это. Хочешь знать каким образом? — профессор постучал двумя пальцами себе по лбу, — этот вирус не любит щёлочь и кислоты. Также он страдает от спирта. Его сушит, как тебя первого января, Гена. Вот это коричневое вещество, — Серпов поднял закрытую треугольную колбу, наполовину пустую, — что Диана ввела в кошек, покрывает мозг плёнкой. И она предотвращает попадание туда вируса бешенства.

— Как это так? — удивился Гена, — я может, плохо разбираюсь в биологии, но мозгу это не вредит?

— Нет. Клетки мозга продолжают

функционировать в обычном ритме.

— А как вы направите эту плёнку именно в мозг? Она не может осесть где-то?

— Ну, — Серпов развёл руками, — когда ты таблетку пьёшь для головы, она куда направляется? — Гена молчал, поняв нелепость вопроса, — ты знаешь, что Глутаминовая кислота, это единственная аминокислота, которая окисляется в мозге? Скорее всего, нет. И вот эта кислота будет служить проводником, путеводителем, который направляет наше вещество в нужном направлении.

— То есть, в мозг, — сказала Диана, наклонившись к уху Гены, — ты понял, дружок?

Задав вопрос, она сразу же пожалела об этом. Диана любила работу, и старалась всегда угодить Серпову, но глядя в глаза молодому человеку, она словно угодила в яму. Гена ей нравился. Симпатичный парень, от него всегда пахло дезодорантом, даже после работы. Иногда они шли вместе через парк. В тёмные вечера она была вдвойне этому рада. Ну и что, если у парня нет образования, и самое его великое творение это картонная табличка с придуманным именем кота на клетке. Просто каждый должен делать то, для чего рождён. Мечтой Дианы было достижение чего-то. Она представляла себя на фотографиях, которые вскоре появятся в газетах.

Профессор Серпов вместе с молодой

ассистенткой изобрели лекарство от бешенства для всех последующих поколений .

Звучит заманчиво. Но эти глаза...

Диана любила подшутить над Геной, тот не знал даже состава живой клетки, благо Гена никогда не обижался. Так же и сейчас.

Гена был, словно двоечник на экзамене по химии. На него смотрели с презрением. Он кое-что понял, но решил промолчать. Пусть считают его малограмотным, зато без него не видать им кошек. Он проглотил это, как не один раз уже делал. В химии он не очень, как и в биологии, но физическую работу выполнить, он мастер, и всегда им был. Его учительница по химии болела. Конечно не весь семестр, но Гена часто говорит, что весь.

— Поставь этих кошек рядом, на стол, — сказал Серпов, — я завтра не приду, покормишь их и можешь взять кровь.

Серпов улыбнулся. Диана тоже. Гена на секунду удивился, решив, что профессор шутит.

— Диана тебе поможет.

Серпов неловко встал со стула и прошёл к столику с пробирками. Две из них были с предыдущими анализами крови. Он взял одну и посмотрел на свет, повертел в руках.

Диана возилась с колбами, мельком поглядывая на Гену. Она надеялась, что он не обижается. Надеялась, что он снова проведёт её

вечером, если не домой, то к дороге, на которой можно сесть в автобус. Диана подошла к Геннадию и посмотрела в глаза, немного наклонив голову.

— Что? — спросил он.

— Ничего, — мечтательно выдохнула она. Её милое лицо склонилось на бок, волосы прикрывали шею, глаза сияли. Гена заметил из всего этого лишь ослепительную улыбку.

— Я пойду, — сказал Серпов и взял небольшую сумочку с колбами, — не забудьте закрыть дверь и покормить перед уходом животных.

Он захлопнул первую дверь, на лестнице послышались глухие шаги, затем звук закрывания уличной двери.

— Ты когда будешь уходить? — спросила Диана.

— Я уже заканчиваю. Все покормлены, сейчас песок поменяю и свободен.

— Подождать тебя?

— Можешь помочь, будет быстрее.

Через двадцать минут они стояли на поверхности. Диана в пальто смотрелась полнее, чем на самом деле, края платья торчали. Через плечо висела маленькая сумочка. Сапожки на каблуке были не по сезону, но после дождей идти по грязи в самый раз. Гена закрыл дверь в лабораторию, положил ключи в карман. На нём

была лёгкая куртка, не застёгнутая, под которой был виден свитер.

— Пошли?

Он подошёл к девушке с приподнятой и согнутой рукой, она её тут же обхватила. Странно, но Гена не представлял Диану своей девушкой. Она была на другой ступени эволюции для него. Эта мысль пришла только сейчас.

Они шли в сторону, противоположную реке. Вдоль пешеходной дорожки росла трава, с некоторых деревьев опадали листья. Гена расслабился во время беседы, и начал смотреть на девушку не как на коллегу. По дороге к автобусу они болтали.

Кот, которого профессор Серпов назвал первым номером, начал громко мяукать и биться о клетку примерно через три часа, после того как Гена ушёл. Он начал прерывисто дышать и хрипеть, вскоре силы его покинули, и он лежал на дне решетчатой клетки, не издавая ни звука, лишь грудная клетка немного поднималась и опускалась, показывая, что он ещё жив. Камышовый кот, глядя на это тоже начал биться о клетку. Дверца была закрыта на шпингалет, и её легко можно было открыть, но кот этого сделать не мог. Кот начал раскачивать клетку. Он разгонялся и бился головой и телом о стенку клетки, двигая её к краю стола. Несколько ударов и клетка упала на пол. Она

перевернулась, дверца открылась. Медленно кот вышел из клетки, и огляделся. Его товарищ лежал на столе, в запёртой клетке, и еле дышал. Камышовый кот лёг у двери и стал ждать. Он чувствовал, что в нём что-то изменилось, и знал, что его не выпустят на свободу. Теперь чтоб стать свободным, ему нужно постараться.

Ближе к восьми вечера, Гена приехал покормить котов. Сегодня он провёл замечательный день с Дианой. Они гуляли по городу, пили кофе, ели мороженное.

— Гена, ты знаешь, почему мы проводим исследования в грязном сыром подвале, вместо уютной лаборатории? — спросила Диана, когда они сидели в кафе.

— Ему не дают разрешения проводить их в нормальных условиях?

— Да. Это незаконно. Нас могут обвинить в серьезных вещах, как минимум жестокое обращение.

— Но мы пытаемся уничтожить вирус бешенства.

— Вообще-то нет, — сказала Диана, оглянулась и наклонилась ближе. Они сидели с разных сторон круглого столика на свежем воздухе. Люди вокруг не обращали на них внимания.

— Лекарство от бешенства давно изобретено, от этой болезни редко умирают. Дмитрий

Андреевич пытается получить другой результат, связанный с функциями мозга у животных.

Гена ничего не ответил. В этом он не понимал даже азов, но ощущение, что ему выдали тайну, расплывало окончательно стену между ними.

После кафе он провёл девушку домой. Сейчас он уже не переживал что два раза в день нужно ездить за десять километров. Главное что он будет видеть Диану, и вместе они делают что-то важное. Пусть не вакцина от бешенства, но зря рисковать репутацией профессор не будет.

Гена открыл дверь, на которой нарисована согнутая молния, знак трансформаторной будки. Закрыл, и стал спускаться. Профессор часто напоминал, что внешние двери должны быть постоянно закрыты, чтоб никто не узнал их секрет. В руках у Гены была пачка с кошачьим кормом, за которой он не видел, что делается впереди. Он опустил ручку двери, немного отклонился, чтоб лампа над головой не опалила волосы. Когда он спускался, коты нетерпеливо кричали, словно во время брачного периода.

— Сейчас, сейчас, мои дорогие. Папочка уже пришёл, — сказал Гена, когда открывал дверь. В левой руке у него был пакет с едой, правой он щёлкнул выключателем, свет зажёгся и ещё до того как он успел осознать что клетка пуста, на него прыгнул камышовый кот. Пакет с едой упал, корм

рассыпался по полу. Гена пытался скинуть животное, но кот, прыгнув на него, цеплялся когтями за одежду и кожу. Только сейчас Гена понял насколько камышовые коты больше домашних. Больше и сильнее. Кот оцарапал шею, впиваясь в неё когтями и зубами, попытки сбросить кота оказались напрасными. Одной лапой он зацепился за щёку. Боль была, будто Гене дали пощёчину электрически разрядом, щека онемела. Кот целился в глаза. Гена правой рукой бил его по туловищу, ощущая боль при каждом ударе, это всё равно, что сорвать с себя колючую проволоку, не разматывая. Гена отступал назад, прижал телом кота к дверному косяку, несколько раз стукнул, но кот продолжал разрывать лицо. Мельком Гена смотрел в глаза коту, и испытал страх. Кот смотрел в глаза, и целился в них. Он словно знал, что ослепив Гену, он окажется на свободе. Гена очередным ударом всё же сбил его, и кот, падая на пол, оторвал кусок кожи с лица. Гена хотел захлопнуть дверь перед котом, но тот снова прыгнул на грудь парню и продолжал его разрывать, он выцарапал ему один глаз, и тот вытек, как яичница на одежду, смешиваясь с кровавыми потёками на лице Геннадия. От боли и шока, Гена начал отрывать кота от лица схватив его за шкуру, и бросил в сторону. Плечом он открыл боковую дверь, ведущую в кладовку, и закрылся

там. Он навалился на двери изнутри, исключая возможность попадания внутрь кота. Гена слышал, как кот прыгает и мечется около дверей. По телу и лицу что-то текло. Ему разорвали лицо и руки, и это серьезно. Гена включил свет и обнаружил, что одним глазом не видит. В темноте он надеялся, что боль в левой части головы не означает худшего, но провёл трясущееся рукой по лицу и ужаснулся. Оставшимся глазом он видел свисавший со щеки кусок кожи, с которого капала кровь на свитер. Гена огляделся в поисках полотенца или медикаментов. Под швабрами в углу лежали ящики, в них, как знал Гена, была рабочая одежда. Сверху над головой, полочка. Там Гена прятал бутылку водки. Он достал наполовину пустую бутылку, сделал несколько глотков. Помедлил и вылил себе не лоб немного горючей жидкости. Всё лицо обдало огнём. Гена закричал, боль была такой, что он боялся потерять сознание. Нужно было остановить кровь. Он хотел взять рабочую одежду, но сверху на ней лежал скотч.

Почему бы и нет?

Гена взял скотч, обмотал лицо, в местах, где кожа висела как тряпье. Он обмотал всё, кроме здорового глаза и рта. Руки тряслись, он сполз по двери, и сидя спиной к выходупил остаток в бутылке. За дверью кот успокоился, перестал носиться, и начал пить. Хлюпающие звуки возле

дверей подтверждали это. Что он мог пить? Гена сразу догадался, кот пил кровь, которая стекла на пол.

Звонок застал Андрея за уроками. Май пора экзаменов, и подготовки к ним. Это не такой мерзкий месяц, как сентябрь, но что касается домашних заданий, не намного легче. Осенью студенты подавлены. За лето ученик проживает целую жизнь, во всём разнообразии, после чего первого сентября ему выносят приговор: *Виновен. Год стационара*. Иногда ученики девярых классов думают именно так.

— Андрей тебя к телефону, — словно пропела мать Андрея, поднося трубку.

— Да?

— Привет, это Вася. У меня есть для тебя кое-что.

— Что?

— Ну, рассказ. Что я говорил. Я написал рассказ о копе.

— Хочешь, чтоб я почитал?

— Если ты зайдёшь, то да. Я дам тебе почитать.

Написал рассказ для меня? Молодец. Действительно молодец!

Но Андрей не скажет ему этого. Если он написал рассказ за вечер, нужно проверить его

качество. Андрей завидовал, не сильно, но это чувство подобно изжоге не давало покоя, нахлынув внезапно. Андрей вышел из дому и направился к соседу, поглядывая в окно. Вася наблюдал за ним из окна второго этажа, на мгновение их взгляды встретились. Через минуту Андрей вошёл к Васе. Тот сидел в кресле у окна, правая нога выставлена вперёд, на коленях несколько листов с текстом. Андрей вошёл и волнительно смотрел на друга, будто видел сказочного героя.

— Надеюсь, что-то стоящее? — спросил Андрей, в душе рассчитывая на обратное (надеясь на обратное). Он стоял в дверях, и ждал, пока Вася его позовёт, будто неведомые силы мешали пройти. Сейчас ощущение беспомощности нагнало его. Казалось, что он потерял что-то ценное, видя эти листы с текстом. Он впился в них глазами.

Вот оно. Теперь друг писатель, а я нет.

— Почитаешь мой рассказ, завтра скажешь, что думаешь, — сказал Вася. Он протянул листы, Андрей взял их. Сразу бросились в глаза иностранные имена. *Билли. Френк*.

— Но читай дома, — сказал Вася. Он боялся, что рассказ будет слишком плоским, что он зря старался.

— Хорошо. Я пойду, а завтра скажу, что думаю.

Андрей свернул текст в трубочку, направился

домой. Его терзали два ощущения: любопытство и зависть. Любопытство гнало ноги, а зависть заставляла думать о словах, написанных на бумаге.

Наверняка ерунда какая-то (надеюсь, ерунда).

Себя не обманешь, любопытство было сильнее, даже если написанное было бредом. И вот Андрей у себя, вот он закрыл дверь, держа её за круглую ручку, поблёскивающую при свете люстры. Он сел на кровать, развернул листы, смотрел на текст. Обычные слова, которые он каждый день слышит по телевизору, сейчас они приобрели новый смысл. Он держал в руках три листа, напечатанные на компьютере, и распечатанные на принтере. Андрей пытался вспомнить, когда ещё Вася что-то распечатывал, и не смог. Принтером он давно не пользовался. Иметь дома принтер очень удобно, но распечатать лист стоит дороже, чем в копировальном центре, из-за дороговизны картриджа. Конечно, ещё дороже было бы нанимать машину, чтоб отвести Васю в город и распечатать три страницы. Андрей улыбнулся. Почему-то мысль, что Вася потратил на этот рассказ деньги, доставила ему удовольствие. Он положил листы перед собой, названия рассказа не было. Был сразу текст, без вступления, без предисловия. Просто текст, голый, как стриптизёрша в конце выступления.

Билли Смит, высокий мужчина которому пошёл четвёртый десяток, не снимая маски, резал турбиной металл. Он сидел на корточках в своём гараже. Сзади, тихонько крадучись подошёл Френк Лэдджер. В руках у Френка был резиновый молоток, и шприц с наркотом. Сила, с которой он ударил по голове Билла, усилилась за счёт ненависти. Френк завидовал ему, его удачному браку, тому, что он трахает красавицу жену, а Френку попадают лишь уродины. Удар, и Билли пошатнулся, наклонился вперёд. Звук турбины стал другим, она резала бетонное покрытие пола гаража, искры перестали разлетаться. Ещё удар, и Билли упал на пол, турбина вывалилась из рук, и продолжала секунды две кружиться в танце на полу. Брызги крови разлетелись по серому покрытию гаража. Турбина отрезала Билли два пальца, один из которых залетел под рабочий стол. Френк протянул руку и отключил электроинструмент. «Билли, ты мне ещё пригодись живым» — подумал Френк. Он присел возле бесчувственного тела и с силой проткнул шприцом бедро Билла, ощущая несколько слоёв одежды, которые мешали игле нормально войти в тело.

— Ну что? — спросила Джоан. Она стояла у входа в гараж и ждала, пока Френк закончит дело. Сколько лет она жила с Биллом, но ненависть к нему занимала меньше места в её сердце, чем любовь.

— Он отрезал себе два пальца, — сказал Френк, вставая и поднимая один из них. Из пальца капала кровь. Джоан зашла и взглянула лежащего на полу мужа.

— Боже мой, Френк, — сказала она и прикрыла лицо, — что мы наделали?

— Теперь поздно отступать, крошка, — грубо крикнул ей Френк. Он словно ждал, что она даст слабину, чтоб гневно наехать на неё, — мы должны довести дело до конца. Помоги загрузить его в машину, только обмотай его руку тряпкой, чтоб кровью всё не запачкать.

Джоан послушно обернула руку мужа в тряпку, нежно, словно вытирала рот малышу за столом. Они с Френком занесли Билла в багажник его хонды, цвета кофе.

— Я уберу пока в гараже следы крови, — предложила Джоан и развернулась, собираясь уйти, но Френк был против.

— Нет. Нужно будет помочь дотащить его до моего кабинета, и потом обратно.

— Как думаешь, это много времени займёт? — спросила Джоан. Она волновалась. На улице ночь глядела на них прищуренным лунным глазом, а утром Джоан надо было на работу.

— Возьмёшь выходной. У нас дела важней, — твёрдо сказал Френк.

Они уехали в ночь, поднимая пыль на дороге. Френк работал пластическим хирургом. По этому поводу у них с Джоан возник план, изменить лицо Билла, и выдать его за бродягу. А после объявить о его пропаже. Никто не будет подозревать в бродяге мужа Джоан. А пропажу она объяснит тем, что он уехал к любовнице.